

Глава 9. Положение общин сестер милосердия в начале XX века

Структура управления общиной, согласно Нормальному уставу РОКК 1903 года

Ксе общины сестер милосердия в начале XX века находились в ведении Общества Красного Креста под покровительством овдовевшей императрицы Марии Федоровны, супруги Александра III и матери Николая II. Их деятельность регламентировалась Общим уставом общин Красного Креста, утвержденным в 1903 г.⁵⁰² Появление нового, обязательного для всех устава свидетельствовало о стремлении Общества Красного Креста унифицировать структуру и систему управления российских общин. Поэтому имеет смысл его рассмотреть подробно.

Комитет общины

Во главе общины стоял Комитет, занимавшийся управлением, внутренним устройством общины и ее учреждений, а также изысканием необходимых для этого средств (§ 11). Сотрудники Комитета, куда в числе прочих действительных членов входили благотворители, внесшие одновременно не менее 2 тыс. руб. на развитие общины (§ 14), утверждали свой собственный состав, отчеты общины, денежные сметы, выбирали ревизионную комиссию, занимавшуюся проверкой общинного делопроизводства, имущества и т. д. (§ 17).

Попечительный совет

Следующей инстанцией в управлении общиной являлся Попечительный совет, избиравшийся на общем собрании Комитета. Его возглавляла попечительница общины, она же председательница Комитета и неперменный член местного управления Красного Креста. Попечительный совет служил непосредственным центром руководства общины, в него входили обязательные члены: помощник попечительницы, главный врач, священник, сестра-настоятельница,

казначей, уполномоченный член местного управления РОКК (§ 18, 20, 27). Попечительный совет сам избирал своих членов, поскольку ежегодно примерно четвертая часть его состава должна была обновляться. Например, попечительница и ее товарищ назначались на 3 года — по истечении срока они вновь переизбирались (§ 25). Совет занимался решением вопросов, связанных с хозяйственной частью, функционированием лечебных заведений, устанавливал плату с приходящих больных и т. д. (§ 23).

Попечительница ведала исключительно внутренним распорядком и бытом сестер; она, с одобрения Попечительного совета из числа сестер милосердия, назначала сестру-настоятельницу, вместе с которой вырабатывала инструкции и правила общежития для сестер. Она же решала вопросы относительно приема испытуемых и увольнения в отпуск, а также избрания старших сестер (§ 26, 29).

Старшие сестры назначались в больших общинах, из наиболее опытных и достойных. Они ведали определенными направлениями деятельности общины: например старшая по аптеке, хозяйству или лечебному заведению. Старшие сестры являлись помощницами настоятельницы и находились в полном ее подчинении (§ 49). При командировании сестер группами во время войны в военные лазареты или в мирное время в другие больницы старшие сестры становились во главе отряда (§ 50).

Главный врач руководил лечебными заведениями общины, ведал теоретической и практической подготовкой сестер, а также следил за их здоровьем. Кроме того, он получал право приглашать на помощь ординаторов и консультантов (§ 28). Следует заметить, что священник, как и другие члены Попечительского совета, занимал выборную должность, а функции его в Уставе подробно не оговаривались.

Сестры милосердия

В сестры милосердия принимались девицы и вдовы всех сословий от 18 до 40 лет христианского вероисповедания, вполне здоровые и грамотные. Замужние женщины могли стать сестрами лишь в небольших провинциальных

общинах, где не хватало работников, и только с разрешения мужей⁵⁰³ — в столичных организациях женщины обязывались хранить безбрачие. При поступлении предпочтение оказывалось “наиболее развитым в умственном и нравственном отношениях” (§ 35). Желаящие вступить в общину обращались к сестре-настоятельнице с документами: метрическим свидетельством (свидетельство о рождении), видом на жительство (прописка), документом об образовании, если таковой имелся. Несовершеннолетние должны были предъявлять письменное разрешение родителей. Все перечисленные бумаги хранились в общине до тех пор, пока женщина в ней трудилась, и выдавались на руки, только если сестра увольнялась (§ 36).

Вновь пришедшие, освидетельствованные врачом и признанные годными к службе по всем статьям, принимались в общину на правах испытуемых. Проверочный срок не должен был быть меньше 1 года. В этот период сестра проходила обучение под руководством главного врача и настоятельницы, вместе с тем испытывались нравственные качества будущей сестры (§ 39). Практические занятия назначались в больницах, аптеке или лечебных учреждениях, с которыми у общины существовала договоренность (§ 40). По окончании курса подготовки испытуемая подвергалась экзамену по программе Главного управления РОКК (§ 41) и затем утверждалась в новом звании Попечительным советом. Женщине выдавалось свидетельство, подтверждавшее ее статус сестры милосердия, а в заведенный на нее послужной список (трудовую книжку) вносилась соответствующая пометка. Это удостоверение хранилось в общине, пока сестра в ней работала, поскольку искомое звание окончательно присваивалось лишь после 2 лет службы в общине (§ 42, 63).

Сестры были обязаны беспрекословно подчиняться попечительнице, сестре-настоятельнице и главному врачу, ухаживать за больными “с любовью и кротостью и не брезгуя неразрывно связанной с этим делом черной работой” (§ 43). Сестры Красного Креста носили шерстяное или холщевое платье се-

рого или коричневого цвета с большим нагрудным знаком красного креста, а на левом рукаве — повязку с таким же знаком, но меньшего размера. За незаконное ношение этой формы предусматривались наказания в виде штрафа и даже ареста до 3 месяцев⁵⁰⁴. Цвет одежды, впрочем, мог быть различным: крестовоздвиженские сестры носили коричневые платья, члены Никольской общины — синие, Иверской — почти черные, Марфо-Мариинской — белые. Эскиз для формы сестер последней обители был выполнен по специальному заказу художником Нестеровым.

*Содержание
сестер и
получение ими
жалования*

В уставе отмечалось, что “служение сестры милосердия безвозмездно”, поскольку “бескорыстие является первым условием ее христианского служения” (§ 44). Сестры, прослужившие в общине 5 лет,

удостаивались Попечительным советом особого знака отличия и дипломом на него — ранее их называли крестовыми (§ 45). Испытуемые и сестры находились на полном обеспечении общины, предоставлявшей помещение, стол, одежду и деньги на мелкие расходы (§ 46). При командировках сестер плата за их службу поступала непосредственно в общину, которая по-прежнему отвечала за содержание женщин на период их работы в другом месте (§ 47). В случаях ухода на дому частные лица платили непосредственно общине — сами сестры не могли принимать ни вознаграждение, ни подарки. У неимущих больных сестры, с разрешения настоятельницы, имели право работать бесплатно (§ 48).

Впрочем, как говорилось выше, в период военных действий сестры могли получать жалование. В частности, согласно правилам, утвержденным уже в разгар Первой мировой войны, в 1915 г., в начале военной командировки им выдавались так называемые “подъемные” деньги от 50 до 150 руб. (в зависимости от удаленности общины от театра войны) на необходимые расходы в первое время⁵⁰⁵. Постоянное жалование состояло из

40 руб. в месяц, помимо казенного содержания, т. е. в эту сумму не включалась стоимость жилья и пропитания⁵⁰⁶. Если сестре не предоставлялось государственное довольствие, она получала суточные деньги: 2 руб. в день⁵⁰⁷.

Отпуска сестер в военное время

В период войны любые перемещения сестер из одного пункта в другой допускались лишь с разрешения Главного управления

РОКК. Отпуск до 7 дней в период командировки предоставлялся сестре ее старшим врачом или непосредственным начальником ее отряда, до 1 месяца — с разрешения главноуполномоченного, а более 1 месяца — с разрешения Главного управления РОКК⁵⁰⁸. Предусматривалась регулярная смена сестер в тех лечебных заведениях, куда они командировались, чтобы, с одной стороны, все члены общины могли ознакомиться с условиями и требованиями военных и иных лечебных заведений, а с другой, чтобы сестры не утратили духовной связи со своей организацией и не отвыкли от ее строя (§ 53).

Пенсии сестер

Пенсии выплачивались из Государственного казначейства или престарелым, или уволенным по причине расстроенного здоровья сестрам, проработавшим не менее 15 лет (§ 56). Наиболее заслуженные, потерявшие здоровье на службе, могли быть приняты на свободные места в богадельни Красного Креста или приюты при своих общинах, если таковые имелись (§ 58). Пенсии проработавшим 25 лет назначались в 200 руб. в год (примерно 16,6 руб. в месяц), а прослужившим 15 лет — 150 руб. в год (12,5 руб. в месяц). Выплата пенсии прекращалась в том случае, если женщина поступала на государственную службу⁵⁰⁹. Испытуемые имели право в любой момент покинуть общину — штатные сестры были обязаны предупреждать о своем уходе, по крайней мере, за 2 месяца перед уходом (§ 60). Покинувшие общину по своему желанию, если не переводились в другую, зачислялись в

запас, но обязательно сообщали о перемене места жительства. Заштатные сестры в период стихийных бедствий, военных действий или экстремальных ситуаций по собственному желанию принимали участие в помощи больным в составе отрядов Красного Креста (§ 61).

Община сестер милосердия РОКК

КОМИТЕТ

Члены: *члены-сотрудники, безвозмездно работающие в комитете; почетные члены; члены РОКК; благотворители*
Председатель: *попечительница общины*

ПОПЕЧИТЕЛЬНЫЙ СОВЕТ

Члены: *главный врач, священник, сестра-настоятельница, казначей, уполномоченный от РОКК*

СЕСТРА-НАСТОЯТЕЛЬНИЦА

СТАРШИЕ СЕСТРЫ

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Управление общиной сестер милосердия РОКК по Нормальному Уставу 1903 г.

Общее состояние общин РОКК в начале XX века

Таким образом, к началу XX века общины сестер милосердия достигли в своем развитии определенного рубежа. Все они,

как было сказано выше, входили в состав Общества Красного Креста, которое основывалось, в первую очередь, на началах гуманно-патриотических и уже затем — христианских. Православие не было обязательной религией для его членов уже хотя бы потому, что в ведении РОКК состояли сестры Евангелического госпиталя, небольшие отряды американских (25 человек), английских (4 человека) и японских (7 человек) сестер, находившиеся в соответствующих лазаретах Петрограда⁵¹⁰. Уход за больными становится особой профессией, оторванной от религиозной основы, каковая являлась стержнем первых российских общин. Очевидно, что в крупных общинах священники не играли такой определяющей роли, как, например, главные врачи, поскольку их деятельность не могла выходить за определенную должностную нишу. Уже само по себе нелепо, что священник в Попечительном совете являлся лицом выборным и, по решению членов совета, его можно было сместить.

С другой стороны, в начале XX века, несмотря на возникновение нескольких женских институтов, доступ к высшему медицинскому образованию для женщин оставался закрытым по причине малых наборов, высоких требований на вступительных экзаменах, платы за обучение и т. д. Таким образом, общины становились единственными массовыми организациями, в которых готовился средний медицинский персонал. А поскольку Красный Крест и военное ведомство ни в коей мере не относились к церковным учреждениям, обе организации предъявляли общинам единственное требование: готовить профессиональных и дисциплинированных медицинских сестер — сам принцип общинности утратил глубокий исконный смысл, более того, стал сдерживать развитие среднего медицинского образования. К началу XX века общинная структура изжила себя и выродилась, так как религиозные начала, цементиовавшее общину как духовный организм, были выхолощены и подменены идеями гуманитарными. Одна из сестер писала: «Само слово «община» включает в себя идею того, что в таком учреждении все члены объединены чем-то равно дорогим для всех, и это нечто, плотно связующее людей и заставляющее их

своей родной семье предпочесть семью духовную, есть и будет религиозная идея”⁵¹¹. При ее отсутствии все рушится.

Критическое положение общинных сестер в начале XX века

В общинах сестры оказывались фактически бесправными, так как были обязаны соблюдать полумонашеское послушание настоятельнице; они лишались документов на время пребывания в общине, в мирное время не получали жалования, не имели права выходить замуж, им полагались мизерные пенсии, выплачивавшиеся за выслугу лет, а не по достижении определенного возраста — сестра могла получать минимальное пенсионное пособие и с 33 и с 55 лет, в зависимости от возраста, в каком вступила в общину. Кроме того, пенсии полагались лишь тем, кто делал регулярные выплаты в пенсионный фонд, что, между прочим, в Нормальном уставе не оговаривалось. Тем же кому посчастливилось попасть в богадельню, по словам одной сестры, оставалось “в лучшем случае на старости лет с утраченным здоровьем и разбитыми нервами делить комнату с одной или двумя такими же усталыми и раздражительными, как она, старушками”, ей иногда и не знакомыми⁵¹².

Социальное обеспечение сестер и условия их работы

Система социального обеспечения подробно разработана не была, поэтому многое зависело от самих общин в тех случаях, например, когда сестра теряла трудоспособность раньше необходимой для пенсии выслуги лет. Например, в Крестовоздвиженской организации крестовой сестре после 20 лет службы полагалась пенсия 15 руб. в месяц, и то после освидетельствования врачей. Потерявшие здоровье ранее могли получать пособие, но в размерах, установленных общинным комитетом (§ 31)⁵¹³, причем крестовые сестры на покое имели право или на эти 15 руб., или на содержание в общине без выдачи денежного пособия (§ 30). В московской Владычье-Покровской общине пенсионерки получали содержание после

многолетнего служения, но о преждевременно потерявших здоровье речи не было⁵¹⁴. Аналогично складывалась ситуация и в Александровской общине⁵¹⁵.

Условия работы в больницах даже в мирное время были такие, что встречались сестры к 35 годам уже сторбленные и поседевшие. Одна женщина вспоминала об отделении, в котором работала такая труженица: в течение суток сестра не могла покинуть отделения, с одной стороны от ее постели, где она недолго отдыхала, лежал умирающий, от которого шел смрадный запах, а с другой — больного рвало с гноем⁵¹⁶. Проработать в подобных условиях 15 лет могли лишь весьма выносливые люди. Кроме того, большинство сестер начала века прошли через Русско-японскую войну — 2 года в походных условиях не могли не сказаться на их здоровье и внутреннем состоянии. Естественно, многие заболели хроническими болезнями раньше срока, установленного уставом для получения пенсии. Был случай, когда сестра чахоточного отделения в результате многочисленных трудов оказалась неизлечимо больной, а община отказалась ее содержать. Одинокая и без средств, она пришла за помощью к знакомым сестрам и те собрали что могли, отправив ее к знакомой фельдшернице. Но сестра, видимо, не найдя ее, через несколько дней утопилась⁵¹⁷.

В ряде служебных дел сестер Иверской общины можно встретить отношения в Главное управление РОКК с просьбой назначить пенсию ранее положенного срока или увеличить ее. Например, сестра М. П. Альгина, прослужившая лишь 10 лет, после Русско-турецкой войны страдала кровохарканием при туберкулезе легких, хроническим аппендицитом и язвой желудка. Главным управлением ей была назначена пенсия в 60 руб. в год, позднее увеличенная на 34 руб., — сумма, для серьезного лечения явно не достаточная⁵¹⁸. Сестре А. Ф. Виноградовой, участнице экспедиции на Дальний Восток, в результате того, что ей не было выдано удостоверение на звание сестры милосердия по установленной форме, не были зачтены 13 лет службы в Покровской общине до поступления в Иверскую, в

результате чего она, к 1907 году проработав 20 лет, лишалась права на получение пенсии⁵¹⁹. Сестра Н. М. Калакуцкая, прошедшая греко-турецкую войну 1897 г., заслужившая две медали, после 8 лет службы начала страдать истерико-неврастенией, неизлечимой по диагнозу врачей. В 1903 г. она была уволена с назначением пенсии в 54 руб. в год. После продолжительной бумажной волокиты эта пенсия была увеличена лишь на 7 рублей⁵²⁰. Сестра С. М. Андропова проработала 13 лет, прошла Русско-турецкую войну, перенесла сыпной и брюшной тиф, Русско-японскую, заболела ревматизмом, а в 1908 г. (в 90-е годы она выходила в запас) ко всему прочему прибавился порок сердца. Главное управление отклонило просьбу сестры увеличить назначенное ей пособие в 100 руб. в год, поскольку «новых оснований для ходатайства об увеличении пенсии не имеется»⁵²¹. Все названные сестры Иверской общины за время своей службы, правда, в течение небольшого срока, делали выплаты в пенсионный фонд. *«Мы нужны, пока мы здоровы, — восклицала одна сестра, — а больные мы никому не нужны»*⁵²².

Равным образом, отпуска по домашним обстоятельствам сестрам милосердия в военное время не оплачивались⁵²³, а отпуск по болезни возмещался в размере половины жалования и то только в течение 4 месяцев⁵²⁴. О том, насколько это были мизерные деньги, свидетельствует история сестры, которая, вымотавшись в чахоточном отделении, подала прошение об отпуске, каковой и был ей предоставлен, но за месяц будущего отдыха было уплачено 10 руб. 50 коп. — сумма, на которую было невозможно съездить домой. Эта женщина долго плакала⁵²⁵.

Представляя себе подобное будущее, молодежь бежала из общин, в результате чего возникала естественная текучесть кадров. Кроме того, получить работу по специальности вне Красного Креста и общины, в которой, надо было 2 года проработать до получения необходимого документа, в условиях России того времени без протекции было нереально. Таким образом, не подчинившись этим формальным, именно фор-

мальным, полумонашеским условиям, получить элементарное медицинское образование, оказывалось невозможным.

Согласно § 54 Нормального устава, “сестры милосердия и испытываемые общины живут в общем помещении”. Это значит, что 3–4 сестры в течение 2 лет постоянно должны были находиться в одной и той же комнате. А если они не сходились характерами, в редкие часы отдыха вместе им становилось невыносимо. Патронессы, заходя в такую комнату, говорили: “Ах, какая большая, светлая комната, здесь хорошо!” Им, по словам жившей здесь сестры, “и в голову не приходило, что хорошо быть не может тому, кто ни одной минуты не остается один, кто после тяжелого дня ухода за больными не имеет возможности собрать свои мысли, урегулировать нервы”. Умывальник при этом стоял в углу общего коридора — с несколькими кранами над одним тазом — в результате чего по утрам всегда возникали шум и толкотня, когда одна сестра, умываясь, задерживала других. Если к этому добавить скудную однообразную еду, вполне понятно, что “постоянный ропот, недовольство обстановкой слышались в разговорах” сестер между собой, но “страх за будущее заставлял примириться и жить изо дня в день”⁵²⁶.

К чему это могло, в конечном счете, привести? В общины шли либо молодые энтузиасты, но таких оказывалось крайне мало, либо люди, у которых из-за бедственного материального положения не было другого выхода: женщины из семей мелких чиновников, обедневших дворян, даже крестьян, подчас не образованные. Типичный случай представляли собой послужные списки сестер Иверской общины, где в графах об образовании и материальном положении стояла запись: “Образование домашнее, никаких свидетельств по образованию не имеет”, “Кроме получаемого от общины содержания, никаких средств не имеет”⁵²⁷.

Интерес к этой профессии у обеспеченных слоев российского общества и интеллигенции просыпался лишь в тот момент, когда в военный период образ сестры окутывался дым-

кой патриотической романтики — тогда-то и появлялось много волонтеров. С одной стороны, они действительно оказывали значительное влияние на штатных сестер, от которых в мирное время требовалось жесткое подчинение начальству, а в военный период, наоборот, — самостоятельность и инициатива; перестроиться сразу даже психологически было крайне тяжело. С другой стороны, приток в женские организации большого числа людей в военное время не способствовал целесообразному устройству общин, а только подрывал его. Обилие добровольцев в общинах опять же служило следствием формальной необходимости отработать положенный срок с целью поскорее попасть на фронт⁵²⁸.

В мирное время иначе как через общину стать сестрой было невозможно, поэтому в женские организации часто шли женщины, заведомо несогласные с подобными условиями работы и готовые их нарушить. Например, некоторые признавали для себя нормой неформальное вознаграждение за уход в частных домах. После Русско-японской войны почти никто из сестер не вернул в общины денежные остатки от сумм, выделенных на их снаряжение, а отдавшие сделали это, повинувшись жесткому предписанию. Многие только выжидали случая, чтобы променять свой труд на более продуктивную в материальном отношении деятельность, считая общины и Красный Крест учреждениями, где эксплуатируется их труд, как с горечью писала одна сестра: *“...Большинство... не приняло правила безвозмездности своего служения как справедливое и законное, а подчинилось ему как неизбежному...”*⁵²⁹

Финансовое состояние общин

Бедственное финансовое положение общин следует объяснять и отсутствием регулярного государственного финансирования. Такое положение фиксировалось и Нормальным уставом, в котором говорилось, что средства общин складываются из взносов членов Комитета, кружечных сборов, пожертвований и процентов с капиталов общины и ее лечебных заведе-

ний (если капиталы имеются), а также платы за службу сестер вне общины и за лечение больных, единовременных или постоянных пособий от Общества Красного Креста, правительства, города или земства, доходов от гуляний, концертов, базаров, лотерей и т. д. (§ 64). Довольно грустно представлять организацию помощи больным, которая для собственного обеспечения устраивает гуляния, лотереи и кружечные сборы.

Особой статьей доходов в данном перечне служила плата за лечение больных, которая в ряде общин вынужденно была довольно высокой. Например, в московской Александровской общине за обычных больных бралась плата 25 руб. в месяц, за неизлечимых соматических — 25, за умалишенных — 50 руб.⁵³⁰. Плата вносилась вперед, а в случае неплатежа больница имела право принудительно взыскивать деньги с обязавшихся платить. Ежегодное поступление за лечение, таким образом, составляло около 30 тыс. руб.⁵³¹. В Иверской общине за место в общей палате бралось 75, а в отдельной — 150 руб. в месяц. Можно напомнить, что именно в такую сумму (150 рублей) определялась годовая пенсия сестры, проработавшей 15 лет. Впрочем, в общине имелись и бесплатные койки для бедных⁵³². Подобная ситуация имела место не во всех общинах, — например, в Покровской никакая плата за лечение не взималась, — однако очевидно, что платное лечение оказывалось для многих недоступным и не могло быть рассчитано даже на среднего обывателя.

В связи со сказанным выше становятся понятными слова одной сестры, наблюдавшей подобную ситуацию в течение ряда лет: *“Красно-крестные общины несомненно идут к упадку и, к сожалению, нравственный упадок, по-видимому, наступит раньше материального, и с собою по этому пути они могут увлечь те учреждения, которым вначале так старались подражать”*⁵³³. В какой-то мере сбылось предсказание Пирогова о том, что сестра милосердия должна быть не православной монахиней, а женщиной с практическим рассудком и хорошим техническим образованием — только чувствительное сердце при отсутствии нравственной основы сохранить оказывалось невозможным.

*Великая княгиня
Елизавета Федоровна
(справа).*

Марфо-Мариинская обитель милосердия

Именно поэтому столь симптоматичным стало основание Марфо-Мариинской обители, которая представляла собой не просто организацию по уходу за больными, а целое явление, подведшее итог краткому периоду существования в России общин сестер милосердия — плодом, созревшим в эпоху, когда начался их упадок. И появление такой личности, как великая княгиня Елизавета Федоровна, воплотившей в себе лучшие черты и добродетели безвестных тружениц серых будней, тоже не случайно. Можно сказать, что

великая княгиня — собирательный образ, созданный сестрами предшествующего времени, поскольку было бы исторически несправедливым, если бы общины сестер не породили своей собственной святой.

Устав Марфо-Мариинской обители утвержден в 1908 г., а затем еще дважды: в 1911 и 1914 г. В 1908 г., по проекту архитектора Щусева, стал строиться храм Покрова на Большой Ордынке (Большая Ордынка, 34а). Обитель открылась 10 февраля 1909 г. А уже в апреле Елизавета Федоровна отправила императору Николаю II письмо с первым рассказом о новом учреждении: *“В двух словах о том, как проходит наш день: утром мы вместе молимся, одна из сестер читает в церкви в полвосемь; в восемь часы и обедня, кто свободен, идет на службу, остальные же ухаживают за больными, или шьют, или еще что... У нас немного больных, так как мы берем пациентов, чтобы на практике учиться лечить разные случаи, о*

Великая княгиня Елизавета Федоровна

которых идет речь в лекциях докторов, и для начала взяли только легких [больных], сейчас уже все более и более трудные [случаи], но, слава Богу, больница наша просторная, светлая, сестры очень преданы своему делу, и больные прекрасно идут на поправку. В полпервого сестры... садятся обедать, а я ем у себя одна — это мне по душе, и, кроме того, я нахожу, что, несмотря на общежитие, некоторая дистанция все же должна быть. В посты, по средам и пятницам у нас подается постное, в другое время сестры едят мясо, молоко, яйца и т. д. Я уже несколько лет не ем мяса, как ты знаешь, у меня все тот же вегетарианский режим, но те, кто к этому не привык, должны есть мясо, особенно при тяжелой работе. Я касаюсь таких подробностей, потому что людям интересно, как я живу в обители, они не видят нашей жизни и строят догадки, часто совершенно ошибочные; воображение работает, и многие дума-

Духовник Марфо-Мариинской обители протоиерей Митрофаний Сребрянский (Максимова Л. Б. "Я принадлежу Москве..." // Московский журнал. — 1991. — № 2. — С. 52)

ют, что мы живем на хлебе, воде и каше, суровее, чем в монастыре, — "какая же тяжелая у них жизнь", — тогда как она всего лишь простая и здоровая. Спим по восемь часов, если кто не засиживается позже положенного; у нас хорошие кровати и чудесные комнатки с яркими обоями и летней [плетеной] мебелью. Мои комнаты большие, просторные, светлые, уютные, тоже какие-то летние, все, кто у меня были, в восторге от них. Мой дом стоит отдельно, потом больница с домовою церковью, дальше дом докторов и лазарет для солдат, и еще дом батюшки = 4 дома.

После обеда некоторые выходят подышать воздухом, потом [все] заняты делом; чай подается в четыре, ужин в полвосьмого, потом вечерние молитвы в

моей молельной. Спать в 10.

Теперь о лекциях: три раза в неделю [читает] батюшка (отец Митрофаний Сребрянский. — А. П.), три раза — доктора, между лекциями сестры читают или готовятся. Пока у них медицинская практика только в больнице; я их посылаю по домам к бедным лишь для того, чтобы собрать сведения [о больных] в различных случаях. Понимаешь, сначала они должны выучиться"⁵³⁴.

Елизавете Федоровне задачи новой обители представлялись более широкими, чем традиционный уход за больными, что видно из отчета за 1910 г. "Увеличение сестер обители и со-

трудниц и окончание многими сестрами медицинских занятий дали возможность помимо обслуживания амбулаторий, больниц (при обители и в убежище чахоточных) и аптеки еще приступить к посещению сестрами больных и бедных на местах их жительства, равно расширить педагогическое дело и открыть питательный пункт для крайне нуждающихся семейств. Все эти виды благотворительности возникли при обители сами собой из тех просьб о помощи, с надеждой на которую ежедневно обращаются в обитель бедные, больные и беспомощные. Эти просьбы требовали и требуют одних посетить на местах их жительства, чтобы воочию видеть размер нужды и определить потребную помощь, других лечить и кормить, третьих спасать из той ужасной обстановки, среди которой они очутились, дабы дать возможность нравственно окрепнуть и поучиться элементарной грамотности и тому, что должно знать каждому православному христианину. Приходя с посильной помощью этой нужде, обитель постепенно открывала и расширяла служение больничное, школьное и миссионерское, если позволительно так выразиться, разумея под ним то служение святой Церкви, которое несут сестры при посещении домов... не ради лицемерия чужой бедности, иногда вопиющей и ужасной, а ради желания утешить и обласкать чем можно по-братски, по-христиански бедного, больного и беспомощного ради примера святых жен-мироносиц и святых подвижниц-диаконов, которые шли сами к страждущим и заблуждающимся, неся им радость святого благовестия... В одной только Москве насчитывается до 100 тысяч семейств бедняков и до 40 тысяч детей, нуждающихся в общественном призрении... Поэтому посещение сестер принимает само собой характер внутренней миссии, на каковую сестры и посвятили себя, произнеся обеты служения Господу и святой Церкви, ибо, нашедши погибающую душу, послужить спасению ее есть великое дело христианского милосердия и истинный образ ее"⁵³⁵.

Таким образом, деятельность обители явно выходила за рамки, установленные Красным Крестом для общин сестер

милосердия. Более того, Елизавета Федоровна явно стремилась провести жесткую грань между своей обителью и другими общинами. *“В самом деле, — писала она, — при виде сестры милосердия, носящей на груди крест, конечно, всякий христианин должен думать, что это сестра обетная, посвященная Богу, Божий человек, о чем так ярко говорит крест на груди. Но что же думать нужно, когда этому же христианину приходится видеть японку-язычницу с крестом сестры милосердия на груди, ужели и она служительница и дева Христова? Или что думать, когда среди нашей общественной жизни видим сестру милосердия, после своих дневных трудов снявшую форму и крест и веселящуюся на балах, в театрах и других зрелищах? Очевидно, что в самой организации “общин милосердия” лежит причина, что обет, молитва и церковь здесь дело личной настроенности руководящих и сестер, но не самого устройства жизни, как, например, иноческого чина.*

Далее, управление внутренней и внешней деятельностью этих Общин сестер милосердия не зависит от Церкви, ее контроля и не направляется в должной мере в духе церковности. Если же, при этом, принять во внимание, что организация Красного Креста есть организация всемирная, то понятно, что благотворительность через Общины сестер милосердия несколько не обязывается быть выражением духа Православной Церкви. В связи с этим понятно, что в этих организациях вся сила полагается в практических занятиях по уходу за больными и прочих видах благотворения, мало сознавая истину учения Христа Спасителя о недугах греховных, как причинах недугов телесных и всякого страдания и зла. По этой же причине забыт и путь истинных врачей в подвигах святых целителей и истинных сестер милосердия, явленный в диаконисском служении”⁵³⁶.

Елизавета Федоровна начинает рассматривать деятельность сестер обители как восстановленную форму церковного служения женщин в Православной церкви — служения диаконисс. На это косвенно указывал и новый чин поставления настоятельницы обители, при совершении которого 9 апреля 1910 г.

Сестры в саду Марфо-Мариинской обители. Весна 1913 г. В центре — последняя сестра, исполнявшая функции настоятельницы, княжна Т. А. Голицына (Максимова Л. Б. "Я принадлежу Москве..." // Московский журнал. — 1991. — № 2. — С. 49)

Елизавета Федоровна упоминала имена первых диаконисс: "Обещаюся, в чесом да поможет мне Господь наш Иисус Христос, Его Пречистая Матерь, Святые жены Марфа и Мария, Фива и Олимпиада, вси сии святии Божии человецы и Ангел мой хранитель..."⁵³⁷. Один из очевидцев посвящения великой княгини сделал следующую запись в своем дневнике: "На малом входе с Евангелием протодиакон храма Христа Спасителя подвел великую княгиню к алтарю. Положив три земных поклона, великая княгиня подошла к митрополиту Владимиру и на его вопрос дала обет управлять Обителью милосердия в духе Православной церкви до конца дней своей жизни.

Митрополит, сняв с великой княгини крест и покрывало сестры, прочитал особую молитву и, возложив на нее настоя-

тельский крест и покрывало, провозгласил “аксиос” (достойная)⁵³⁸. Этим обряд окончился⁵³⁹. В дальнейшем великая княгиня часто называла себя почти монахиней, возможно, она даже приняла тайный постриг⁵⁴⁰ — современники же в просторечье так и называли сестер обители диакониссами⁵⁴¹.

Попытки восстановления чина диаконисс в России

В Русской Православной Церкви диаконисс никогда не было, хотя Е. Голубинский и выдвинул гипотезу о том, что в домонгольской Руси они существовали, а их преемницами стали появившиеся в XII веке просфорни, женщины, пекущие просфоры⁵⁴². В XIX веке в России, как и в западных странах, были предприняты попытки возродить чин диаконисс. Архимандрит Макарий Глухарев, сибирский миссионер, видел в этих женщинах катехизаторов, проводниц религиозных и культурных начал в инородческую среду. Митрополит Филарет, сочувствовавший этому начинанию, не считал возможным его реализовать без благословения Синода, который в 1839 г. проект архимандрита Макария отверг⁵⁴³.

В 1860 г. петербургский священник Александр Гумилевский, по поручению великой княгини Елены Павловны, разработал устав для Крестовоздвиженской общины сестер милосердия как для общины православных диаконисс, предлагая сестрам носить через плечо диаконский орарь и ввести их посвящение через рукоположение. Он стремился свести воедино опыт католических сестер милосердия, древних и протестантских диаконисс. Устав также не был утвержден, а отца Александра перевели в другой приход, главным образом за то, что он называл учреждение сестер милосердия не народным и не православным⁵⁴⁴.

На Предсоборном присутствии 1906 г. за возрождение женского чина высказались некоторые епископы, и этот вопрос предварительно был решен в положительном смысле, так что прот. Ф. Успенский даже составил проект “Правил для жизни и деятельности православных диаконисс”⁵⁴⁵.

Мнение Елизаветы Федоровны о восстановлении служения диаконисс

В 1911 г. великая княгиня Елизавета Федоровна возбудила в синоде ходатайство о присвоении старшим сестрам Марфо-Мариинской обители звания диаконисс. Синод первоначально дал свое согласие, но потом, под влиянием Николая II, изменил свое решение. В результате было постановлено на предстоящем Поместном Соборе поставить вопрос о возобновлении женского служения в Православной Церкви, а уже потом присваивать сестрам искомое звание⁵⁴⁶. На Соборе 1917–1918 гг. чин диаконисс не восстановили, хотя и было принято определение о расширении деятельности женщин в Церкви, согласно которому они получали право участвовать в приходских собраниях и советах, даже входить в благочиннические и епархиальные собрания, а также становиться старостами храмов⁵⁴⁷. Более в России подобный вопрос не поднимался.

Неудача Елизаветы Федоровны во многом связана со сложившейся в Православной Церкви традицией, согласно которой основной задачей монашества является не внешняя деятельность, но внутреннее делание. Соединение двух направлений в одно оказывалось реальным лишь для немногих неординарных личностей, поступки которых следует оценивать особо. Великая княгиня это прекрасно понимала, и для нее возрождение чина диаконисс становилось насущно необходимым, чтобы представить обитель “стране как церковную, **православную церковную организацию**”⁵⁴⁸, — подчеркивала она. “Это начинание должно занять **“определенное место”** в Церкви, иначе оно так и будет колебаться и после моей смерти, кто знает, скорее всего, будет преобразовано в монастырь или в **светскую** “общину””⁵⁴⁹.

Судьба Марфо-Мариинской обители

А обители действительно оставалось существовать недолго. В сентябре 1917 г. Временным правительством были закрыты все общественные организации, однако обитель подобная участь миновала, более того, благодаря вмешательству Н. К. Крупской она оставалась открытой дольше других общин — до 1928 г. После ареста и мученической гибели Елизаветы Федоровны в Алапаевске, где она была сброшена в шахту, с мая 1918 г. руководство обителью неофициально перешло в руки крестовой сестры Т. А. Голицыной. Она сумела пристроить некоторых сестер в поликлинику районного совета, открытую в помещениях больницы и детского приюта общины, а также в хозрасчетную поликлинику, разместившуюся в амбулатории для бедных. В 1926 г. большую часть сестер Марфо-Мариинской обители вывезли из Москвы в Среднюю Азию, а через 2 года арестовали и Татьяну Голицыну⁵⁵⁰.